

ЧЕТИРИ СТАТИИ НА

Н. Н. ГЛУБОКОВСКИ ЗА СЪВЕТСКА РУСИЯ В СПИСАНИЕ „ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ“ (1921–1922)

от редакторите

Four articles for soviet Russia in the journal „Dvuglavij orel“ (1921–1922)

Keywords: *Letters, History, Russian Revolution, Archive*

Николай Никанорович и Анастасия Василиевна Глубоковски напускат съветския Петроград в понеделник 16/29 август 1921 година, с влак от Финландската гара. В същия ден те са интернирани за две седмици на територията на Финландия в селището Териоки, без право да напускат определената им за пребиваване вила.

Поместените тук четири статии са първите публикувани след въдворяването в свободния свят текстове на великия учен „преживял радостта на избавлението от смъртта и получил възможност да пише свободно за всичко“¹. Те са публикувани в берлинското монархическо списание „Двуглавый орел“ и за последните 95 години не са печатвани и почти не са цитирани.

Тези публикации, посочени от самия Глубоковски в библиографския списък на трудовете му (приложен към изданието през 1925 г. в София юбилеен сборник в чест на 35-та годишнина на неговата научна дейност), по странен начин са отпаднали от всички други негови библиографии както прижизнени², така и след кон-

¹ Глубоковский, Н. Н. *Из ненапечатанного архива. Автобиографические воспоминания.* – Церковь и время. М., № 2 (23), 2003, с. 178.

² Богословски факултет. *Алманах на Държавния Софийски Университет.* С.,

чината му³. Самият Николай Никанорович в юбилейния сборник разкрива псевдонима на автора на тези статии, като посочва, че „След моето „отстраняване“ от Русия през август 1921 г.” тези статии ги публикувах „всичко под първоначалната ми родова фамилия „Проворов“⁴. В своята автобиография той пише, че „родовата фамилия беше „Проворов (от думата „проворный – расторопный, шустрый – „чевръст, оправен“), а като „Глубоковски (от селото и езерото до него Глубокое са били записани неговият баща свещеник Никанор и брат му Павел“⁵.

Първата статия е написана още на 23 август (5 септември) 1921 г. – само седмица след пресичането на пограничната река Сестра по съвсем пресни спомени от преживяното... Следващите материали са публикувани от 15 (28) октомври 1921 г. до 15 (28) февруари 1922 г., или точно в рамките на четири месеца. Тези статии уточняват и конкретизират ежедневно безрадостно и трагично съществуване на Глубоковски и хората от неговата среда в първата столица на социалистическата държава на работниците и селяните и в много отношения допълват неговата кореспонденция с епископ Василий Богдашевски.

Тези списания, принадлежащи на Н. М. Котляревски, са ни любезно предоставени от графиня М. Н. Апраксина (Брюксел).

1929, 651 – 666. [Съгласно този списък в периода юни-юли 1917 г. до март 1922 г. Глубоковски не публикува нито една статия в периодичните издания (с. 663)]: *Материали для библиографии русских научных трудов за рубежом* (1920 – 1930). Выпуск 1. Белград, 1931, 82 – 85. [даден е списък на публикациите, от март 1922 г.]; Цанков, С. *Богословският факултет у нас* (1923 – 1933). С., 1933, 68 – 71 [в списъка са дадени публикации, излезли след 1923 г.].

³ Цоневски, И. Тридесет години Духовна академия (Богословски факултет). – Юбилейно тържество по случай тридесетгодишнината на Духовната академия (Богословския факултет) 1923 – 1953, С., 1956. 516 (40) – 519 (43); Игнатъев, А. Памяти профессора Н. Н. Глубоковского. – ЖМП, № 8, 1966, 57 – 73. [Библиография, 73 – 77]; Глубоковский, Н. Н. Академические обеты и заветы. М. – Сергиев Посад, 2005, [Раздел „Библиография прижизненных публикаций Н. Н. Глубоковского, относящихся к периоду его эмиграции (1921 – 1937)“.]

⁴ 35-летие Ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского. С., 1925, с. 68.

⁵ Вж. Чекан, свящ. А. Профессор Н. Н. Глубоковский. – Церковный вестник Западно-Европейской епархии, 1937, Париж, № 3 – 4, с. 11.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ГОЛОД В РОССИИ¹

Вырвавшись из проклятой Совдепии, поглотившей собою великую Россию, с понятным любопытством следишь за тем, что говорится в заграничной повременной печати о нашей дорогой родине. Оказывается, главное внимание сосредоточено на вопросе о голоде и снаряжении помощи против него, а все прочее обсуждается лишь по связи с этим предметом. Постановка дела не принципиальная, но в действительности применяемая, и тем важнее, что даже при ней можно достигнуть решающих заключений о коммунистически-большевистской Совдепии и тем глубже осветить самое явление голода:

И вот тут сразу возникает затруднение относительно того, да есть ли в России настоящий голод и каковы его настоящие размеры?

Мы, прибывшие из Петрограда, чуть не вчера, насильно осведомляемые советскою лже-„Правдой“, совсем не знаем об этом ничего точного. Слухи разнообразны и противоречивы. Рассказывают о невыразимых ужасах неслыханного бедствия, якобы в Поволжье убивают стариков, а детей бросают в Волгу, продают дома со всеми пожитками и сельскохозяйственным обзаведением за пуд муки и бегут стадно, целыми толпами куда глаза глядят, без всяких соображений и надежд по одному безотчетному непреодолимому страху. И бывает так, что волна с юго-востока сталкивается с толпами голодного люда,двигающегося с северного Кавказа и Кубани, а советское правительство вводит между ними свою „доблестную красную армию“ и заставляет ее победоносно работать на обе стороны –

¹ Печата се по текста на публикацията в списание „Двуглавый орел“, Берлин, 1921, Восемнадцатый выпуск, 15 (28) октября, 41 – 46.

против отцов, матерей, братьев, сестер, против старых и малых. В большевистских сообщениях проскальзывают самые изменчивые данные – то в сотни тысяч, то в 35 миллионов, а „ответственный“ руководитель продовольственным делом в Москве „товарищ“ Р. не постеснялся всенародно заявить, что при мировом размахе русской революции это ровно ничего не значит, мол „лес рубят, – щепки летят“ и не следует даже вспоминать о последних – пусть гниют скорее!..

Но с другой стороны вполне осведомленные люди утверждают, что советская власть намеренно преувеличивает размеры голода, который вовсе не столь велик по объему и степени; якобы умышленно создают дутую опасность, чтобы увенчать себя блестящей победой, поддержать упавшее влияние страхом всеокрушающей мощи и кстати „ликвидировать“ некоторые нежелательные им круги, заманив их в свою „благотворительную“ деятельность, как это случилось с легковерно-соглашательным Комитетом помощи голодающим. „Провокации“ подобного рода бывали многократно и коренятся в самой природе большевистских злодеев, изыскивающих всякие способы для истребления человечества, к которому они не принадлежат даже в качестве выродков... И коммунистические оратели неистово кричат, что большевики, победоносные в борьбе против всего света, восторжествуют и над внутренней бедой, неотразимо доказав свою непреодолимость. Ради этого, якобы, припрятывают и продовольствие, чтобы, заморив население временно, потом тем сильнее поразить его неожиданною щедростью... в виде четвертки или полуфунта гнилого хлеба в сутки на голодный желудок, который обязан благодарить за эту собачью подачку, ничего больше не ожидая и не получая...

Таковы сведения российских обывателей, кипящих в большевистской голодухе. Все может быть, а чего-либо верного никто из „граждан“ не знает и узнать не может.

Следовательно, случилась в государстве большая беда, гибельная для народа и „народная“ „власть“ скрывает ее, держит людей в потемках и в то же время требует от всех героических жертв – терпения, лишения, щедрости, а сама жиреет и пухнет

народным горем, не имея и не умея дать хоть что-нибудь. Бывало ли такое положение в истории? Допустимо ли оно? Можно ли иметь дело с его виновниками и даже помогать им выскочить из собственного капкана? Ведь самоочевидно, что подобная власть, утвердившаяся по общему попустительству и по способности к быстрому разрастанию всего худого, нетерпима и должна рассчитывать на содействие лишь к тому, чтобы удавиться в своей иудинной и иудейской петле. Никакая иная помощь здесь не позволительна и не целесообразна...

Но эти разбойнические захватчики власти с подложными „русскими“ именами и несомненно „иудейской“ сожженной совестью вопиют, что в России теперь просто стихийное бедствие, в котором никто не виноват... „кроме прежнего, царского режима“, не подготовившего неисчерпаемых запасов для их безумного „хозяйничания“, а сами они чисты, как агнцы. Великолепно... Волки жалуются, что мало им дали овец на растерзание... и требуют новых для своей зверской прожорливости...

В самом деле: возможен ли в России столь страшный голод, как о нем распространяют из разбойничьих, большевистских кругов? Русское государство раскинулось по таким огромным пространствам, что повсеместный неурожай совершенно невозможен. В нем представлены все широты и всякие климаты, почему недостатки одной полосы обязательно восполняются избытками во многих других. Значит, если теперь произошло нечто иное, то в этом безусловно повинны распорядители российского достояния. Охваченные неурожаем местности они лишили всяких средств для борьбы с засухой, отвлекши рабочее население на истребительную внутреннюю войну с мирными гражданами и грабительски отняв все прежние запасы, которыми можно было бы произвести пересевы и хорошо пропитать и не один год недорода. У каждого приличного домохозяина прежде всегда имелись хлебные запасы на несколько лет, а большевики отобрали все до последнего зерна всякими „реквизициями, конфискациями и пр.“ Хозяйственный, рабочий скот уведен и загублен, молочный и всякая домашняя живность проглочены тою же большевистской акулою, частью съедены, частью погибли от недостатка кормов,

захваченных коммунистическими атаманами, а без скота нет удобрения, без которого во многих местностях ничего не родится. Крестьяне не производят никаких излишков продовольствия и ограничиваются пресловутым „прожиточным минимум[ом]“, справедливо опасаясь, что их все равно ограбят беспощадно и оставят ни с чем. Никаким уверениям, обещаниям и декретам они совершенно не верят, ибо горький опыт убедил всех в дьявольской лживости „русифицированных“ иудеев, иудействующих или таких, которые зовутся „товарищами с прожидью...“ И теперь в крестьянстве есть немалые хлебные достатки, но владельцы тщательно скрыли их по лесам и ямам и не отдадут добровольно, а жестокая власть не сможет разыскать все эти тайники, не смогут, несмотря на расстрелы и аресты, при гнете предательства, развратившего деревенскую молодежь... У правящих опричников, имеющих своим Грозным вождем всеобщую ненависть, нет и первобытных средств передвижения: все средства передвижения окончательно расстроены, а правильность их такова, что в нашем Петрограде вагоны с зерном застревают на целые недели по пути от приморской разгрузки на „государственную“ мельницу, на которой нельзя отделявать крупу, потому что, за отсутствием необходимых исправлений, стены слишком обветшали и должны рухнуть при этой работе, как свидетельствует осмотр строительный... Наконец, поставщиками зерновых и всяких иных продовольственных благ всегда были в России крупные хозяйства помещичьего и иного владельческого вида. Большевики „экспроприировали“ их, разорили весь хозяйственный уклад, погубили все виды необходимого сельского обзаведения, сожрали накопленное добро, завели повсюду „рабочие коммуны“ и через них везде водворили пустыню. Эти – по поганому, собачьему волапюку – „совхозы“ (т.е. советские хозяйства) похоронили последние остатки русского сельскохозяйственного добра, испортив до конца все, что сохранилось от помещичьих владений. На что уж слабы были некоторые монастырские вотчины, – хотя в других вели свои дела блестяще и являлись образцовыми сельскохозяйственными показателями (напр. в Соловецком, Валаамском, Саровском монастырях), но и их „товарищи“

сумели dokonать начисто и привели все сельскохозяйственное производство к одичалому, бесплодному состоянию. Обещали они и теперь сулят совсем иное, почти недостижимое: недаром у них везде первенствует на словах чистый „рай“ (сокращенное из слова „район“) в виде „рай-бюро“, „рай-мука“ и т.п. Но ясно тоже, что знаменитая „электрификация“, о которой сверхъестественный изувер Ленин говорил, что она – плюс большевистская власть и составляют истинный коммунизм, а все здравые люди называют ее „электрофикцией“ или „электромистификацией...“

В конечном итоге находим, что при несомненности стихийного бедствия, в виде засухи, – Российский голод на 99, 999% обязан исключительно и всецело разбойническому порядку, враждебному для всякого христианского уклада, во имя чужеядно-семитской повадки, в которой только слагаемые единицы бывают равны между собою, ибо тогда все они – одинаково звери...

Отсюда получается прежний вывод, что всякая помощь в борьбе с голодом теперешнего правительства будет служить к спасению этих гибнущих злодеев, которые, передохнув и зализав свои смердящие раны, еще с большим бешенством бросятся на просвещенный мир и свою гибель – голода, разрушения, бесчестности – постараются разнести по всем краям света... Они гнусно бахвалятся: „мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем“ и если не достигнут этого, – хотя наихудшее зло всего способнее распространяться повсюду скоро и успешно, – то через год-два опять придется воевать с тою же голодною бедой, которая ходит неотлучною смертною тенью завсякой большевистской, даже просто социалистической властью! Все народы будут обречены на черпание воды решетом только для того, чтобы бесплодно тушить коммунистические пожары и все-таки оставлять власть в руках этих изуверных палачей!.. Разумно ли это и согласно ли с самыми скромными требованиями нравственности? А раз так, то и решение может быть только одно: большевикам, как правящей власти – ничего, никогда и ни в каком виде! Кругом будет смерть, но она неотразимо засвидетельствует, что нечистая сила дохнет в своей собственной гнили. Пусть она справляется при помощи „соединенных пролетариев всех стран“, к которым

так уверенно взывает, хотя сама для обмана мира может лишь печатать поддельные кредитки, не окупающие расходов даже на свое производство...

Скажут нам: вы сами проповедуете зверство, предлагая не помогать голодающим. Но вот этого я не думаю и не советую. Когда протягивает руку нуждающийся и просит нищий, мы должны удовлетворять их посылно „не взирая на лица“ так, чтобы правая рука не знала, что делает левая... В этом отношении пример подал Московский Патриарх Тихон, единственное лицо, которое может теперь законно, достойно и праведно представлять истинную Русь и выражать ее настроения и стремления. Он разослал особое послание, которое читается по всем русским православным церквям... Говорят у него, по поручению антихриста Ленина, был сам его идолопоклонник Максим Горький и почтительно просил о содействии. При крупнице истины тут много легендарного, но бесспорно, что далеко не все в России одобряют этот шаг Патриарха, полагая, что он не должен был возвышать свой голос от имени и в пользу теперешней Совдепии, а обязан был взывать только в качестве главы Православной церкви, которая уже от себя и под своим руководством будет помогать всем страждущим и обремененным, как Отец Небесный солнцем Своим сияет на злых и на чистых, дождит на праведных и неправедных. Русские надеются, что на западе в этом смысле поймут и примут воззвание Патриарха и станут посылать всякие пособия исключительно последнему для употребления их через церковные учреждения. В таком направлении работают все церковные комитеты и другие сообщества этого рода. Напр. в Петрограде подобный комитет, составленный в большинстве из мирян, иногда с нерусскими именами, требует себе полной самостоятельности и решительно отказывается от всякой связи с „ювелирами“ (разумея большевистское правительство, посланцы которого в Лондоне – иудей „Каменев“ и К пробовали торговать краденными коронными бриллиантами)... Иначе, если это требование не уважат, церковь православная будет помогать голодающим – по приходам, в порядке частного почина, т.е. помимо большевиков и даже вопреки им. Это единственный путь, с которым примирятся и разум и совесть

здорового русского человека. Всякие иные способы встретят от них несомненное чувство недоверия, хотя бы ограждены были самыми тщательными проверками и наблюдением. Последние, конечно, обнаруживают прямое недоверие к большевистской порядочности, но это – сторона отвлеченная и отдаленная, а на самом деле они способствуют правильному распределению поступающих с Запада продовольственных запасов и тем помогают борьбе с голодом именно теперешней пакостной власти, делая ее в глазах народа справедливою и точною раздаятельница чужих благ, которые ей доставляются буржуазным миром потому что последний признает, уважает или по крайней мере боится всемогущих большевиков. Так эти изуверы и от своей беды избавляются и упрочивают свою дальнейшую жестокою власть.

Понятно, что этого не должно быть и помощь голодающим русским нужно вести вопреки большевикам, а борьбу с голодом в России надо направлять к ниспровержению коммунистического и всякого иного социалистического варварства. Довольно злодейских опытов. Слепые дикари никогда ничего не увидят, а зрячие мудрецы обязаны только не мешать, чтобы исчадия ада провалились в преисподнюю... Да будет так!

Николай Проворов

*Териоки. Карантин.
5 сент. (VIII, 23)
1921.*

ЧЕМ ЖЕ ВСЕ ЭТО КОНЧИТСЯ?¹

Речь пойдет, конечно, о современной несчастной России, но пусть читатель не думает, что на этот жгучий для всего мира вопрос я собираюсь дать какой-либо исчерпывающий ответ. Вместе с большинством русских, еще признающих себя достаточно здравомысленными, я убежденно думаю, что его не смогут представить самые препрославленные мудрецы всего света. Они давно и позорно осрамялись в своих ширококвещательных мудрствованиях и пагубнейших деяниях в мировой политике и все простые проблемы запутали настолько, что дело совсем перешло в руки и ведение безумцев, а кто в состоянии предвидеть и вычислить решение с такими иррациональными величинами, которые – чаще независимо от них – заправляются подлостью и пошлостью? В подобной сфере смолкают и пророки, а их ведь повсюду совершенно теснили патентованные лжеучители, книжники и фарисеи...

Мы ставим задачу проще и хотим выяснить, к чему же практически приведет создавшееся положение? Какой будет конкретный его итог? А что оно аномально, нестерпимо и должно лопнуть от своей собственной неестественности, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Правда, что его намеренно тянет и будет поддерживать знаменитая „Антанта“ во главе с торгашескою Англией, которая деспотически дирижирует этим какофоническим концертом, сильным лишь оглушающим криком и раздирающими мир звуками. Хитроумный Ллойд Джордж кричит об опасности от людей, ходящих с ведрами керосина по всем странам, но фактически сам все умышленно путает своею изворотливою неуловимостью, чтобы половить рыбку в мутной воде. Так полагает большинство в настоящей России. Ей хорошо известны и слишком памятливы политические методы дипломатической работы

¹ Печата се по текста на публикацията в списание „Двуглавыи Орел“, Берлин, 1921, Деветнадцатый выпуск, 1(14) ноябрь, 10 – 20.

коварного Альбиона, дух которого наиболее ярко выразил лорд Биконсфильд, когда сказал, что всегда полезно кровопускание на Востоке. Верно, что это лишь перелицованный жидовин Дизраели, но, забыв почтить великого Гладстона, скромно почивающего в проходе Вестминстерского аббатства, Англия сразу же поспешила украсить площадь перед парламентом статуей Биконсфильда, как бы в подтверждение лестного для нее предания, что эта ветвь англосаксов происходит от десяти колен Израилевых... Англичане обольщены своими успехами и непреклонны в эксплуататорской политике по всей вселенной, но со стороны виднее, что в таком качестве, хотя бы прикрываясь цивилизаторскими лозунгами и культурной показностью, – Великобритания есть просто паук высасывающий лучшие соки отовсюду. Значит достаточно оборвать несомненно искусную паутину, чтобы он погиб в своем „блестящем уединении“ (splendid isolation). Поэтому же и бесспорная для всех поддержка российской разрухи именно Англией свидетельствует только об органической кровожадности последней, а ничуть не о прочности совдепско-социалистического строя. Напротив если паук точит большевистскую песью муху, то явно, что она окончательно запуталась в грязных тенетах и фатально издыхает.

Разумеется этому надо только радоваться, и едва ли кто-нибудь будет сожалеть о том, что социалистический большевизм провалился в тьму кромешную, уготованную диаволу и злым, коммунистическим ангелам его. Но ведь после этого краха останется социалистически загаженная пустыня, в которой мирные люди будут задыхаться от скопившегося смрада и отравляющих испарений из большевистской бездны. Вот тогда-то начнут искать ближайших виновников позорно разрушительного скандала и жестоко расправятся с теми, кто будет под руками очнувшихся от угара страдальцев, которые обязательно и инстинктивно должны будут вышибить коварно вставленные окна, чтобы самим не задохнуться и дать простор для возрождающейся жизни. Этим практически и кончится в России социалистическая советская власть деспотического рая.

Но кто эти „несчастные“ виновники и на кого обрушится жестоко-справедливый народный гнев?

Простой русский человек не любит копаться в отвлеченной археологии, да и не время для нее, когда надо отвести душу и поквитаться за кровавый вексель. В такие моменты всегда хватаются за конкретное и осязаемое, хотя бы и побочное. А с этой стороны даже для слепых очевидно, какие цели всюду преследовало своим разрушительным торжеством благоденствующее и ликующее еврейство. Чем бы ни была вызвана роковая русская революция и кто бы ее ни совершил, вырванным кормилом тотчас же завладели иудеи, которые гоняли потом государственный корабль по взбаламученному морю и немилосердно тиранили всех российских пассажиров, побросав в бушующие волны весьма либеральных, но совсем неопытных капитанов. Они уже на другой день после переворота извратили весь ход течения и дали ему свое кагальное направление. Государь, ради блага народа, добровольно сложил с себя власть и вручил ее своему брату, побуждаемый к сему моральными мотивами, а не фактическим принуждением, ибо тогда он располагал вполне достаточными реальными ресурсами для успешной борьбы с революционными эксцессами: теперь-то уж порядочные люди не будут отрицать этой истины. Такое именно „отречение“ было целиком принято единственным полномочным представительством в лице Государственной Думы, и на этом базисе немедленно конструировалась новая государственная власть. Кто перевернул все это сооружение вверх дном? Евреи быстро сообразили, что если на государственном здании переменять только вывеску, то они останутся на прежних, занимаемых ими местах и во всяком случае немного получают в государственной компании. Члены этой последней конечно были юдофильски настроены, а некоторые не беспричастны к иудиным сребреникам; но все-таки достаточно брезгливы, чтобы явно мараться с семитическими типами. Поэтому во временном правительстве иудейские звезды совсем не сияли и даже не мерцали. Но государственная дверь потеряла охранительный замок, и кагал поспешил ворваться в заманчивую для его жадности храмину. Непрошеного гостя сначала любезно турнули в шею, а он пошел в темную пустыню солдатско-рабочего невежества и победоносно привел с собою целых семь злых духов, как подлинный Сатаниил. При первых известиях

о Государевом отречении храбрые иудейские молодцы рассыпались по всем закоулкам северной столицы и нагло повели самую бешенную агитацию против всех прежних государственных устоев. Не стеснялись ничем и никем. В центре Невского проспекта я слышал с высоты захваченных автомобилей бесстыжие еврейские речи, что Романовы, награждавшиеся всевозможными позорными эпитетами, целые тысячи лет угнетали народ, пили его кровь и прочее в том же, специфически жидовском вкусе.

Так в сознании масс коварно был подорван самый принцип верховного государственного представительства державным возглавлением его. Соблазнили змеиным яблоком, что сам народ будет собою править, и за это сразу ухватились городские подонки без царя в голове и потому с органическим отвращением ко всякому царству. Но в глубинах даже самых нелепых русских душ сохранялось достаточно моральной сдержки и религиозной чуткости. Нужно было разнуздать первую и анестезировать вторую. Вопиющие кровавые расправы, организованные Рошалами и подобными иерусалимскими героями, украшающими своими именами улицы „красного Петрограда“, осквернили народную совесть и при временном помутнении ее, разбудили в людях первобытного зверя, который скоро пожрал религиозно-моральные корни. Тогдашняя „литература“ – тоже исключительно иудейская – усердно помогала этому народному развращению самую отвратительную порнографией насчет царской семьи и доходила в этом до неслыханной чудовищности, заставлявшей краснеть бумагу. Этим создавалась удобная почва для открытой антихристианской пропаганды. Кричали что они убрали царя и дадут полную свободу – только бы их слушали и бросили свои рабские предрассудки.

Не боялись публично богохульствовать против „Повешенного“, каким („Таллуй“) в жидовских писаниях называется Христос-Искупитель, но более всего действовали косвенно, вооружая против Православной Церкви и русского духовенства. Пускались в ход самые нелепые клеветы, якобы на колокольнях были орудия, за „Архангелами“ на Исакии прятались пулеметы, под престолами алтарей складывались ружья. Взбудораженные толпы были брошены „для расследования“ в таком горячечном состоянии, что

бесчинствовали и кощунствовали безудержно и безотчетно и тем более пагубно – для собственного духовно-религиозного отравления. Храм святой неистово осквернялся и через это фактически отвергался сам Бог. Разумеется, жертвами этого атеистического бесчинства стали служители веры Христовой, в которых уже заранее не допускалось ничего порядочного или просто человеческого. „Поп“ стал синонимом всякой контрреволюционности, как носитель, проповедник и защитник всего злого и поработительного. Поднимались целые банды для истребления всего духовенства на своем пути без всякого разбора с самым ужасным девизом, дьявольски сформулированным одним из этих злодеев при экспедиции по Никольскому уезду Вологодской губернии: „Мне, говорил он, все одно бить, что рябка (т.е. рябчика) что попа“. С крушением адептов христианского культа падал самый культ, а вместе с ним устранялся и объект религиозного служения.

В результате – „ни Царя, ни Бога“... Вот теперь-то и настало раздолье, для государственного еврейского пакостничества. Для вождей его ранее не было достаточно пригодной грязи и на все своднические приглашения „министров“ Некрасовых удостоить своим участием курию революционно-либеральных манекенов, они отвечали решительным отказом, выжидая пока наступит глубокое и всестороннее разложение. А при нем уже политическим младенцам революционного водевиля было невозможно сохранить свое призрачное правительственное существование, – и по фактической необходимости социалистические иудеи, реально же злодеи оказались единодержавными владельцами всей русской государственности.

Дальше все пошло в специфически кагальном духе с распространением заразы по всем направлениям и искривлениям, во все высоты и широты. Все пропиталось этим острозаразным смаком настолько, что ничему другому нельзя тут прикоснуться и никому иному невозможно приладиться. В итоге получилась безвыходная конъюнктура, которую коварно подготовили иудеи-коммунисты, а распутать не в силах европейско-американские авгуры. И они как и прочий членораздельный люд твердят, что если большевики уйдут или будут свалены, то некому взять власть и начнется бе-

шенная анархия, почему эти государственные террористы спасают от более ужасных потрясений весь мир, служат мессианскими избавителям для него. Каков иудейский финал социалистической вакханалии?!

Прекрасно, не будем спорить против исторически заклеянной еврейской шулеровской ловкости. Пусть „некому взять“, но зато есть с кого взять за эту безвыходность, когда люди начнут искать себе отнятых „свободы и покоя“. Кто-то тогда и будет смят в этом предательском тупике...

С кого же и кто? Не надо никого теперь и спрашивать об этом в страждущей России. Всеобщий гул в ней отовсюду и по всем закоулкам, что это евреи, что они все испортили и устроили всероссийский социалистический ад, где неиудеямдохнуть нельзя. Настроение здесь радикально изменилось, народные массы готовы вспыхнуть всепожирающим пожаром. Одному „сознательному“ рабочему, активно участвовавшему в рабочем правительстве и исполнявшему довольно ответственные поручения, я в 1918 году, во время совместного путешествия, указывал вредное влияние еврейской гегемонии, но он беспечно парировал: „Это пустяки; нам хоть бы черт, – лишь бы по-нашему было“... В следующем году уже сами рабочие публично допрашивали своего „литературного гения“ Максима Горького о повсюдном еврейском засилии, и он не мог дать им удовлетворительного ответа. А в начале 1920 г., в не очень отдаленном от столицы губернском городе я был свидетелем такой сцены. Жилищный отдел – важнейшее правительственное учреждение, ибо лишь через него добывается и охраняется всякий приют для брэнного тела. Самая пестрая толпа, не знающая, куда обратиться и нигде ничего не находящая. Говор и ропот без всяких стеснений в словах и модуляциях. Но всех покрывал громкий, возмущенный голос двух „красноармейцев“, по-видимому заканчивавших какую-то горячую беседу по жгучему для обоих вопросу: „Погоди, дай срок, – вот произойдет замирение, и мы покончим со всеми жидами. От них нигде и никому нет жизни“. Заметьте, что это происходит на глазах у всесильной власти, именно еврейской, и в незнакомой разношерстной публике, а все-таки они дерзнули, другие не возразили и все, в общем, были согласны.

И горе или зло все в том, что тут формулирована голая жизненная правда. На высотах власти мы видим всемогущих узурпаторов с чисто русскими фамилиями, – Зиновьевых, Троцких, Каменевых – и с нежелательными жидовскими подлогами, которые тем более возмущают народное чувство, что свое пакостничество намеренно прикрывают русским именем, позоря его своим злостным укрывательством. Это не пустяк. Евреи – ловкие дельцы, но всегда были плохими психологами, и им недоступны тонкие движения народной души, особенно чуткой к таким обманным поруганиям. В свой верховный ареопаг эти иудейские надуватели не пускают никакой свободной струи и сам архизлодей Ленин, отмеченный атавистическим жидовством, играет собственно по их дудке. Всякие проявления независимого мнения прекращаются огнем и мечом по еврейскому трафарету и жидовскому наказу. Все рабочие организации действуют по иудейским велениям и соизволениям. Малейшие уклонения подавляются немедленно или предупреждаются провокационными кровавыми расправами. В „Петросовдепии“ есть всякого народу и сброду, но... безраздельно царит один чесночный запах, которого не могут ослабить (не говорю – заглушить) никакие ароматы – ни самобытно российские, ни импортно-европейские... Во всех учреждениях властвуют и командуют евреи, распоряжающиеся с равноценными невежеством и наглостью. Все мало-мальски ответственные посты захвачены ими, и они насильственно тащат на них беспартийных „товарищей“ только тогда, когда все ими высосано и грозит убийственный взрыв. Было время, когда в Петрограде чуть ли не в каждый дом – под тем или другим предлогом – водворялся жидовин с некоторыми начальственно-шпионскими функциями.

Это же племя оккупировало и все питательные места, особенно заманчивые среди повсюдного голода. Где хоть „немножечко – столечко“ жареным пахнет, там везде непременно еврей, который, как и известно, мастер на все руки и не стесняется ежедневно менять профессии – лишь бы ему было выгодно за счет и в ущерб „гоя“ (т.е. всякого европейца). Приезжаю в торговый провинциальный город северной России, конечно, вся торговля и промышленность задушены. Осталось без дела много знающих людей по

всяким специальностям и потребностям. Их бы и привлечь для новой организации, но всюду сидит инородец – преимущественно из семитов, а опытные „спецы“ не находят приложения и лишены куска хлеба.

Иудеи везде и всюду, да еще так, что они всегда только правят и распоряжаются, а русские только исполняют и делают. В рабоче-крестьянском царстве евреи систематически и поголовно избегают работы и служат ей лишь тем, что утверждают рабочее рабство для всех прочих кроме себя, но под контролем их. Напротив все выгодное исключительно им и для них, ибо кто ж из российских граждан может с ними состязаться в корыстном эксплуататорстве? Едва показалась тень свободной торговли, – и еврейские барышники быстро заполнили своими лавочками весь Невский проспект и не встречают никакой конкуренции.

От евреев нигде нет ни прохода ни спасения. Когда приезжали еврейские рабочие делегации, по Петрограду начали ходить насмешливые частушки и присказки, какими русский человек любит отвлекать свое горе, не забывая однако виновников его. И вот сообщалось, что прибывших встречала следующая „избранная“ депутация:

Одна Хая – от главчая,
Еще Хайка – от чрезвычайки,
Два Абрума – от Правбума и т.п.

Итак: еврейство все заполнило в русской земле и стеснило до невозможности русских людей, которым и повернуться свободно нельзя. И замечательно, что евреи бросили все свои провинциальные „местечки“ и устремились в центры всех калибров, где заполнили все поры. Деревню они предоставили крестьянству, которому предписывают всякие нормы разных питательных и производительных выработок, сохранив за собой неограниченно право облагать и брать всяческими способами для своих не народных гешефтов. Крестьяне достаточно убедились, что они должны теперь трудиться не по своим потребностям и силам, а по еврейским нарядам; что их и обирают и обдирают без малейшего страха и без всякого соображения с крестьянскими нуждами; что взамен

ничего не дают кроме разбойнической возможности разорять горожан мародерским вымениванием на свои продукты разных городских вещей, непригодных для деревенского обихода, между тем как у них нет самых необходимых предметов для производства и проживания. Деревня достаточно сыта, хотя воровским образом – „украдкой да с оглядкой“ – по страху всепожирающих иудейских большевиков, но зато она несомненно беднеет всем насущным для нее в живом и мертвом инвентаре и неудержимо становится непродуктивной – частью по нежеланию трудиться для неизвестных ей грабителей, от которых населению ни крошки не перепадает, а больше всего по физической невозможности успешной работы, удовлетворяющей запросы материального потребления и внутреннего удовлетворения. Большевики на всех заборах особыми плакатами провозглашают: „Прежде, при буржуазии труд был каторжный, теперь при коммунизме это общая радость“, но читая такие пошлые тирады, трудящийся крестьянский люд возражает, что именно сейчас везде плач и стон и горе. Деревня, разорившая город бесчестным обирательством нищей интеллигенции, сама оказалась лицом к лицу с надвинувшеюся на нее смертью, которая готова скосить ее „под самый корешок“. И поразивший голод служит для всех страшным предупреждением грядущего социалистического погубления. И вот люди ополчаются против этой „силы вражией“ и пытливо ищут ее носителей. И если горожане видят их перед собою во всяком советском застенке, то крестьяне не менее твердо знают, что это евреи, разорвавшие и опустошившие всю хозяйственную Русь. Им и придется ответ держать перед народным возмездием.

И добро бы еще, если бы они страдали вместе со всеми и были виновны лишь в идеалистическом увлечении пагубными утопиями. Не тут-то было. Эти „товарищи“ не блистают чистотою помыслов и деяний. Один из разочарованных сторонников говорил нам, что он не встречал порядочного коммуниста, а молва гласит, будто сам Стенька Разин коммунистической марки считал такими только трех: Ленина, Ульянова и себя самого а ведь все эти три „во едино суть“ и представляют наиболее острую концентрацию коммунистической отравы.

Евреи благоденствуют среди общенародного российского оскудения и вызывающе злорадствуют, собирая угли огненные на всю свою преступную нацию. Граждане погибают в очередях, чаще не получая там ничего, – а иудеев нигде не видно в этих позорных социалистических хвостах, но они всегда упитаны и пресыщены. Откуда же, за что и почему им сыплется манна небесная, собираемая однако из земных российских закровов? И если на них перепадает не больше других, в чем все сомнения, то по каким привилегиям иудейские избранники избавлены от мучительной процедуры, доводящей до обморока, какой поразил и меня накануне Рождества 1918 г., когда нас манили кусочком мяса и рыбы.

Припоминаются церкви, в которых приостановлено отправление богослужения за отсутствием необходимых для таинства элементов виноградного вина и чистой пшеничной муки, почему принуждены заменять их суррогатами – к открытой радости католичества, всегда пользовавшегося бедствиями православия не для братской помощи, а для папистической эксплуатации по темной инсинуации, якобы теперь у православных евхаристия ненастоящая. Верно однако то, что иудейские большевики затрудняют христианское священнослужение ограничением или даже прекращением выдачи потребных для сего материальных даров и на все обращения грубо огрызаются, что они только терпят, но совсем не поддерживают всякие магические колдовства... Наоборот, сами коммунистические вожди и приспешники упиваются и пресыщаются земными благами до свинского разбухания: не даром же Иерусалимский лорд Зиновьев не садится за стол без Венгерского... А той порой на еврейскую пасху для мацы рассылают по всей России так много крупчатки, что этую снедью потом долго еще балуют как великим лакомством школы и приюты в национальные праздники.

Долго бы все рассказывать по этой части. Достаточно констатировать, что русские бедствуют продовольственно, а евреи жируют на общем лишении. Им нигде нет запрета и все доступно. Попробуйте сходить к „Петрокомкumu“, откуда распределяются предметы обмундирования и т.п. Пусть ты ограблен по большевистскому попустительству и имеешь самые забористые ордера,

но „ничего, брат, не поделаешь, – дураком домой пойдешь“, а служащие из русских поясняют, что все забрали жида и сами они имеют лишь по паре ветхих туфель, которыми пользуются только на улице, дома же и на службе употребляют лапти или „в раздетую“. Сам все это видел „в натуре“.

Значит, государственная машина испорчена захватом еврейскими механиками, под видом коммунистического спасения расстроившими весь государственный организм и нарушившими все его нормальные отправления. Государство заболело от еврейской отравы. Общая хозяйственная жизнь страны и личное благополучие каждого „свободного гражданина“ большевистской Совдепии уничтожены иудейским обирательством и жидовским порабощением – при самой паразитской, эгоистически разоряющей эксплуатации со стороны избранного народа и всего целого и всякой частности в недавно еще великой и всегда богатой матушке России. Коммунизм – нелепость, ибо нельзя искусственно сделать общими тех, у кого заранее нет реальной общности. Искусственное введение ее может совершаться только по систематическому насилию и лишь с обдуманым коварством назло добрым людям. Но коммунистический рай насаждают иудеи, распространяют его зверством, культивируют с истребительностью. Они поэтому ответят перед вспыхнувшим народом сугубо и за свою национально-историческую абсурдность.

Вот этим и кончится Российский коммунистический эдем, раскинутый иудейской магией на всем просторе „от финских хладных скал до пламенной Колхиды“. Предвестия сего уже осязательны и неотразимы по всем антибольшевистским выпадам, имеющим везде одинаковое проявление и приложение. И Антонов (в Тамбовской и Воронежской губ.) и „атаман Маруся“ (в Донской области), и „Махно (на Украине), и зеленые и белые (в Крыму) – все они громят лишь „коммунистов и жидов“, проводя между ними равенство и находя, что если коммунисты не годны для нормального существования, то у жидов эта негодность исчерпывает все их бытие, которое нужно истреблять, как чумную заразу, отравляющую весь мир. Это не мимолетная случайность и не индивидуальная субъективность, – даже не симптом, но живое

знамение непреодолимого процесса, обнаружения которого были ясны для всех зрячих еще в 1918 году по антиеврейским расправам во Львове и в других государствах.

Совершается суд истории. Пострадает тут немало „невинных“. С внешней стороны это верно и до крайности прискорбно, но *dura lex, sed lex*. Конечно многие Абрумы и Хайки, Янкели и Ривки получают за деяния, которых не совершали и, пожалуй, не одобряли. Только всем нужно знать и помнить, что данного израильянина будут трепать не за то, что это – Сруль или Шмуль, а за то, что он еврей и должен нести ответственность за свою национальную общность. В этом отношении не будет изъятий. Каждый еврей не просто принадлежит к своему народу, но непременно разделяет его стремления, поддерживает семитскую политику и активно служит ее успехам, хотя бы расходился в тактике и не одобрял частичных приемов. Все эти разногласия и коллизии не касаются самых идеалов, а напротив – всецело направлены к тому, чтобы обеспечить их наилучшее, повсеместное и всестороннее, антихристианское торжество. Евреи все до единого абсолютно солидарны в этом неистребимом, у всех прирожденном настроении и функционировании, равно пользуются общими выгодами такого национального торжества по взаимному человеконенавистничеству и принимают в свои времена достойные плоды, законность которых не могут отрицать и сами. В страшный час своего безвозвратного самоосуждения, они, ослепленные безумным неистовством, преизлихо вопияли: „Кровь Его на нас и на детях наших“, и вот это творится над ними неумолимым возмездием до окончания века.

И возражать объективно нельзя. После всяких революционных „свобод“ ученые еврейчики иудейской Совдепии устроили при Петроградском Главархиве „ритуальную комиссию“ с более лаковыми пайками, которыми привлекли и несколько простодушных российских мудрецов не умеющих разобрать ни одного еврейского, нежаргонного слова. Задумали убить русского антисемитского медведя настоящею рогатиною и начали печатать документы по Кишиневскому погрому. Слепление заворожило глаза издателей. Вышел объемистый сборник документов, – и к ужасу хитроумных затейников оказалось, что именно они напоролись

на рогатину, на которую наскочили и их Кишиневские родичи, по собственной преступности, создавшее кровавую трагедию. Не было ни агитации ни провокации, а несомненно лишь старания всех властей и ответственных лиц устранить и смягчить грозу, накликаемую иудейским „дерзновением“... Понятно, что дальнейших томов не последовало. Помнится как и для собственно „ритуальных убийств“ наиболее важным и исключительно решающим моментом служит то, что евреи не довели ни одного процесса до конца и прерывали каждый в самом интересном пункте. Пусть Бейлис ритуально не резал несчастного Андриюшу Ющинского и его оправдали присяжные, но ведь бедного мальчика кто-то убил мученически, и должен быть убийца. Вот евреям – вместо пустого, одуряющего гвалта – и надо было направить свой испытанный, всепроникающий сыск в эту сторону, чего требовал собственный интерес, в случае сознания своей правоты, а они опять постарались смять все дело и, расстреляв после революции мужественного прокурора Виппера, оставили себя в несмыслимом подозрении. И чем оно темнее, тем страшнее расплата.

Скажут мне: я – погромщик и накликаю национальное кровопролитие. Горько и праздно было бы оправдываться от подобных злодейских инсинуаций в то время, когда „пришла беда – отворяй ворота“, и надо смягчить и прекратить ее. Единственно об этом нужно и думать и стараться. Клеветникам же иудеям и иудействующим наймитам достаточно ответить словами их собственного пророка: „вы сеяли ветер, и пожинаете бурю...“.

Н. Проворов

Териоки. Карантин.

11/IX, 1921 г.

КОМУ ТЕПЕРЬ ЖИВЕТСЯ ВЕСЕЛО, СЧАСТЛИВО НА РУСИ¹

Этот некрасовский вопрос, по-видимому, теперь совсем не требовал бы длинной поэмы, а, казалось бы, был бы достаточен на него кратчайший ответ в форме радиотелеграммы: „всем, всем, всем...“ Ведь в России сейчас чистый социалистический рай, фигурирующий повсюду во всяческих сочетаниях. Между тем именно об этом предмете идут самые жаркие споры и когда коммунистические захватчики нагло, чисто по-жидовски кричат о всеобщем блаженстве, им вторят вопли и стоны миллионов, вопиющих о своем спасении из социалистического вертепа большевистских каннибалов.

Будучи слишком заинтересованною стороною, как несчастный беженец, лишь на днях покинувший опозоренную разбойниками родину, не берусь говорить что-либо, так как это потребовало бы длинных рассуждений и сложных доказательств, всегда в известной мере условных и не для всех убедительных. Нужны живые конкретные факты и такие дают нам непосредственнейшие наблюдения над беженцами, их собственные свидетельства о причинах экспатриации и т.д. Эти данные доставляет пребывание в карантине, обязательное для каждого пришельца в течение двух недель. Режим в нем почти прямо тюремный, и вне своей „дачи“ беженцы разобщены не только со всем внешним миром, но и с коллегами по заключению, живущими в других помещениях. Вся связь с ними ограничивается лишь случайными встречами в комендатуре куда всех нередко приглашают для разных необходимых допросов и разъяснений. Из длинной и яркой повести о новой русской секте бегунов и странников перед нами мелькают

¹ Печата се по текста на публикацията в сп. „Двуглавый орел“, Берлин, 1921, Двадцать первый выпуск, 1 (14) декабря, 41 – 48.

только обрывки жутких фраз с самыми зловещими многоточиями.

И тем не менее получается красочный хотя бы и фрагментарный материал, способный приковать всякое внимание и овладеть сердцем каждого, пока оно не окаменело в социалистическом горниле, сожигающем все человеческое и превращающем людей в бесчувственных зверей. А если бы иметь возможность следить за всею вереницей российских изгнанников и выслушивать их многогробные голоса, то составила бы потрясающая эпопея, какой мир еще никогда не знал и даже не предполагал. Не потребовалось бы художественных и красноречивых слов, ибо тут жестокая жизненная правда, от которой камни вопиют. Мы сообщаем только мимолетные картинки, а способные видеть пусть видят.

Прежде всего поражает пестрота беженских отрядов, необыкновенное разнообразие по социальному положению, полу, и возрасту. Коммунисты иудейского-российского большевизма твердят, что тяготятся их „благодетельным царством“ одни буржуи старой складки, зажившие на народной крови и недоступные никаким возрождающим, социалистическим привычкам. Действительность показывает совершенно противное и тем решительно опровергает, будто исключительным мотивом бегства служат только материальные интересы, эксплуататоров, нарушенные большевиками в пользу народа. Все это абсолютно неверно.

Именно бегущие буржуи прежнего типа всего менее плачутся на свои лишения, а решительно заявляют: „пусть пропадает все наше добро, лишь бы спасти свободную душу. Если нам чего-либо жалко, то единственно того, что грабительно захваченное гибнет без всякого толку, никому и ни к чему не служит, как бисер пометаемый перед свиньями...“ Поистине *male parta, male dilabuntur...* Все жалуются на недостаток питания, следы которого выдает болезненное, мучительное истощение организма... И однако все упоминают об этом вскользь и только жидовские переселенцы чаще и громче говорят об исканиях лучшего кормления и большей наживы.

Вот несколько конкретных персонажей. Довольно известный писатель, еще не старый, но обрюзгший и распухший от ласко-

вого большевистского ухода. Он всегда ратовал против прежнего „русского деспотизма“, бичевал его прямо и премного, стихами и прозаическими акростихами, был поборником и глашатаем революционной свободы, поспешил из прекрасной Италии в ее объятия и... едва... спасся... по подобию Ионы из чрева Китова, каким оказалась социалистическая Совдепия, расцветшая на либеральном наказе, подготовленном не без его старания... С некоторыми родными он бежал морем. Не удалось только узнать, вспоминает ли он о своих фельетонах „Господа Обмановы“ и готов ли повторять их, или раскаялся в этом, как в грехе неведения². Если первое, то значит мы ничему не научились и напрасно плачемся на свою тяжкую участь от варварства пролетариев. Здесь невольно вспоминается старый рассказ одной интеллигентки, выброшенной из Петрограда в Нижегородскую глушь на какое-то железнодорожное строительство. Поздний вечер. Лежит она на полатах и – ни жива ни мертва, – слушает как мужички беседуют, что напрасно ученые господа, разные писатели и студенты жалуются на озверевший народ, так как ведь они же сами его подняли и натравили... Это правильно и для нашего литератора. Впрочем мы его не судим и не осуждаем – ему и без нас доступен трибунал совести пред которою все мы одинаково должны отвечать за свои тяжкие грехи перед родиною-матерью... Во всяком случае он бился за русскую свободу горячо и искренно приветствовал ее и теперь... панически удирает с риском своею седою головой. Очевидно никакой свободы нет, а есть лишь жестокая тирания, злейшая прежней, потому что тогда не он бежал, а его насильственно высылали.

² Става дума за Александър Валентинович Амфитеатров (1862 – 1938, Леванто) – писател, тогава настоятел на Архангелския храм в Московския Кремъл. Публикацията на обидния за Императорската фамилия фелетон (начало на роман) „Господа Обмановы“ във вестник „Россия“ от 13 януари 1902 г. води до ареста на автора и закриване на вестника. От 1904 г. той живее зад граница. Връща се в Русия през 1916 г. На 23 август 1921 г. (две седмици преди написването от Глубоковски на първата му статия за списание „Двуглавыи орел“) бяга от Петроград във Финландия с лодка през Финския залив. Среща се с дошлия преди него Николай Никанорович и съпругата му по време на пребиваването им в карантина.

Произошел какой-то злостный, губительный подлог... по фальшивому жидовскому предательству...

Рядом с ним встает весьма скромная по внешности фигура видного военного генерала. Он не командовал в строю, а работал на педагогическом поприще и поэтому не привлекался к особой ответственности, хотя конечно посидел в тюрьме и ради сего побывал в Ленинской Москве, где воспользовался всеми благами концентрационного лагеря принудительных работ. Говорит, что никаких чрезмерных обид и лишений не испытал, а в последнее время служил в прежнем своем учреждении, преобразованном по-большевистски, – правда в подчиненном положении, но вполне сносно, ибо новые начальники все „новые люди...“

Но, по большевистскому фатуму дело оказалось совсем пустым и не было смысла толочь коммунистическую бурду в социалистической ступе, а той порой у его дочери, за неделю до рождения наследницы расстреляли мужа, молодого офицера, только потому, что ожидался декрет об отмене смертной казни и чекисты заранее без всякого разбора поспешили уничтожить всех своих узников из военных. Эта молодая женщина с девочкой-малолеткой дрожит при одном имени большевиков и сейчас готова взять ружье против них, чтобы отомстить не за себя только, но за все невинные жертвы, среди которых самую страшную она считает вовсе не свою. По ее словам одна особа, потерявшая своего молодого супруга от большевистской пули, апеллировала к самому разбойническому Держиморде-Ленину, по его приказу была приглашена в военный трибунал и тут члены его сказали, что произошла ошибка и они извиняются. Тем все и ограничилось, а несчастная вдова от этой мефистофельской галантности окончательно заболела... Но было еще великолепнее, когда после восстания на Красной Горке исчез военный врач. Большевики сразу порешили, что он „предался в стан врагов“ и немедленно расстреляли его отца, почтенного иерея. Но доктор был тяжело ранен и находился где-то на излечении, – окрепнув, с ужасом узнал происшедшую трагедию и заявил протест, но ему палачи сатанински сказали что они „компенсируют“ эту потерю. Ужасно, но несомненно... Зная эти примеры, разумеется иная молодая женщина более спокой-

но относится к своей утрате, но не в силах даже ощущать самое дыхание социалистических кровопийц и уговорила престарелого отца спастись из Совдепии, для чего пришлось запастись паспортом, где он значился портным, а его дочь – девицей с незаконным младенцем. Эти люди ушли от родного дома потому, что в социалистической свободе нашли бессмысленную пустоту и свирепое уничтожение.

Далее выступает пожилой профессор, большого веса в своем ученом кругу³. Он никогда не занимался политикой и доселе исповедует как догму, что последняя несовместима с наукой и всякий союз их бывает гибелен для обеих. Человек положительного настроения, этот жрец не принимает участия ни в каких политических движениях и не внушал подозрений „миродержателям тьмы века сего“ в России. Теперь он занимал даже две кафедры и имел еще вспомогательную службу, не лишенную научного значения, но... в итоге не оказалось ни науки, ни научно-педагогической работы. Подобно всем людям интеллигентных профессий, он лишился самых элементарных удобств, для каких-либо занятий, когда остался без всякой прислуги и услуги, но с необходимостью самолично заботиться о всех житейских мелочах, самому все добывать, готовить и т.п. он и дрововоз и дровокол, и поломойка и прачка и повар и кухонный мужик, и рассыльный и ломовая кляча, изнемогающая под тяжестями, которые гнут спину, ломают руки, калечат ноги. Если прибавить беготню по карточкам, без которых в Совдепии и пикнуть нельзя и отупляющие простои во всевозможных, часто безнадежных очередях, то все время и силы уходили на эти тупые физические труды, совсем зловредные для ученых как таковых. По его выражению последних заставляли делать то, что могут исполнять обезьяны и устраняли от прямого служения, где целиком и безраздельно лежит вся их жизнь. Все ученые функции исчерпывались ежедневными пешеходными хождениями от 15 до 25 верст каждый раз, ибо „товарищи“ закрыли невскую трамвайную линию, как буржуазную и изолировали университет от всякого культурного сообщения. Это не простая

³ Тук става дума за самия Николай Никанорович Глубоковски.

случайность, а свободный социалистический принцип. Профессор с горечью вспоминает, что в день столетнего юбилея Петроградского университета трамвайное движение во всем городе совершенно не действовало и социалистические проповедники господства разума и просвещения не позаботились облегчить доступ в достойное святилище их, а через сутки самого этого профессора, свободного и по званию и по летам от всяких физических повинностей, выгнали для очистки от снега трамвайных путей по случаю годовщины существования красной армии, в числе которой социалистический сброд разъезжал потом до поздней ночи сверх норм и сроков. Не было физической возможности для учено-профессорской работы, и сама она не только не признавалась, но принципиально унижалась и фактически третировалась. Об этой идейной стороне ученого дела в Совдепии, потребны особые речи, весьма знаменательные, конкретно же было так, что профессор окончательно истощал и почти совсем потерял одну ногу, вынужденный ходить чуть не без всякой обуви: его квартиру трижды ограбили и унесли все ценное, а он не мог добиться даже ордера на право получения самых необходимых вещей, хотя бы за деньги. Ко всему этому присоединилось тяжкое личное горе. Брат⁴ профессора, скромный провинциальный врач, чуждый всякой политической активности, был захвачен (вместе с шестью другими лучшими гражданами) ворвавшимися в город красными мерзопакостниками, расстрелян на берегу реки, тела всех брошены в воду и не разысканы. Как, что, почему, – никто не знает и даже не догадывается, ибо все погибшие безупречны и лично, и граждански (служебно), и политически. После этого стала ненавистна для профессора самая социалистическая атмосфера, где практикуются и патронируются подобные злодеяния, и он ушел,

⁴ Става дума за родния брат на автора – Александър Никанорович Глубоковский (5 януари 1861 — разстрелян „в нощта на 25 (12) срещу 26 (13) юни 1919 г.“ (35-летие Ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского. София, 1925, с. 62)), випусник на Казанската духовна академия (1885), член на Областното управление на град Уралск. Относно братята Глубоковски виж: Богданова Т. А. Клементьев А. К. Из семьи Глубоковских. – Глагол времени. Исследования и материалы. Вологда, 2005, 417 – 437.

так как всякое существование в Совдепии, созданной усилиями либеральной революции, сделалось абсолютно бессмысленным и ничем не обеспеченным в простом физическом сохранении. Коммунистические узурпаторы горланят о саботаже, но работа с ними была бы соучастием в злодейском правлении и, возможна лишь при отказе от всякой чести, чем запятнали себя пока лишь немногие „ученые“ самого сомнительного свойства, но несомненного нравственного падения и физически-продовольственного свинства (все больше из кадетов, напр., полуцыган Гредескул⁵).

Но пусть это буржуи интеллигенты, якобы любители пролетарской крови, хотя последняя может быть лакомой разве для тех исторически патентованных кровопийц, у которых даже все страницы священных книг залиты или обрызганы кровью. Оставим их, несмотря на чисто красочный интерес многих других (напр., русского немца, германского подданного, лично ничем не пострадавшего, но поклявшегося истреблять коммунистов и жидов, как на юге России делают Махновцы и Зеленые). Возьмем лиц иной категории.

Таков высокий благообразный старик простого звания и рабочепромышленной профессии. Он после революции скитался по всей России, бывал на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе, везде добывал достаточно и жил не голодая. И вот надоела человеку эта бессмысленная танцулька, когда нет впереди живой цели и негде найти свое, дорогое, близкое место, к которому прирастает душа. Страна, говорит, стала опоганенная, а он не отверженный Богом еврей, чтобы скитаться по обездоленной пустыне. Есть и руки и голова, годные для всякой путной работы, но некуда приложить душу, ибо людей она не терпит. Выходит что в Совдепии

⁵ Николай Андреевич Гредескул (1865–1941) – юрист и депутат на Държавната дума от Първия призив, професор по право в Петербургския политехнически институт, през февруари-октомври 1927 г. е редактор на вестник „Русская воля“. След Октомврийския преврат се застъпвал за постигане на съгласие между интеллигенцията и болшевиките. Става член на групата „Червена профессура“ и на научното дружество на марксистите при Петроградския университет. През 1920 г. пътува из страната с организирани от болшевиките пропагандни лекции, което предизвикало критики в свободния печат и му донесло лоша слава.

нет хорошего рабочего дела: какова рекомендация для жидовской „рабоче-крестьянской режпублики...“

Но ее подтвердил нам именно квалифицированный рабочий с Невского судостроительного завода. Он, видя общую заводскую разруху и тяжелый террористический гнет, сумел поднять настроение товарищей и воодушевить их здоровыми интересами и на одном публичном собрании имел мужество выступить в пользу свободы мысли и труда против грузного и гнусного большевистского душителя Евдокимова, сказав ему, что и теперь „быть посему“, да только хуже и гаже и всегда зловредно. Нельзя свободно ни двинуть пальцем, ни сказать слова и каждый опутан неволей по рукам и по ногам, видит перед собою только один закон – окровавленный штык и отравленную пулю. Оплеванный палач не посмел применить репрессалий к большой рабочей массе, но нагло возразил, что потом поквитается с нею, что и исполнил, закрыв почти весь этот завод и передавши рабочих на общегородской рабочий паек, т.е. на 2 фунта в три дня. Итак в рабочей коммуне рабочий лишен свободного труда и может быть лишь механически-рабскую спицей в разрушительной колеснице социалистически-большевистского Молоха.

Вот целая рабочая семья с малыми детьми, босая, с израненными ногами. Они без всяких проводников, с куском хлеба, пешком двинулись из Петрограда немалым табором и странствовали с великими приключениями трое суток пока перебрались за Сестру реку и очутились вне зло-советской досягаемости. Что их погнало на такой риск? А то, что самые усердные старания не вознаграждались простою достаточностью, ибо все заработки проваливались в бездну, не оставляя никакого следа, кроме истощения и оскудения, точно льешь воду в дырявый горшок.

Бесполезно заниматься совсем пустым делом, без пользы для себя и других. Следовательно в Совдепии где грубый физический «черный» труд провозглашен мерой всех вещей и всяких ценностей, совершенно не существует производительного, вознаграждающего труда.

С этим согласен и мелкий заводчик, вынужденный восстановить британское подданство, хотя не бывал в Англии, не владе-

ет английской речью и вся семья чисто русская. У него отобрали все предприятия, конечно, вскоре же погубили, а он поступил на советскую службу и занялся ремонтом разваливающихся зданий. Много в его рассказах и жуткого и смешного, но главное то, что приходилось только пришивать старые заплатки к старой одежде, а так как из этого ничего не выходит, то надо было всем заведомо подличать, объявляя исправлениями все эти обманные фикции. Не безопасно было это праздное занятие и с другой стороны: он имел право вести работы подрядным способом и приобретать все материалы в вольной продаже, а злодейская чрезвычайка видела тут спекуляцию и грозила кутузкой, требуя позаимствований лишь из правительственных запасов, где давали только дутые ордера, да и то за взятки. Плюнул человек на эту глупую игру мышки с кошкой и принял комиссию разрушать негодные строения, но это оказалось столь пакостным как голое разрушение, что он устремился в неведомую Англию, так как в „трудовой России“ большевиков нет приложения для предприимчивой энергии и промышленного опыта.

Наконец примечателен мальчик благородной фамилии, бегущий потому, что его гонят голод и необходимость учения, больше вторая, чем первый. Ему указывают на всеобщее обучение, потом со спокойной уверенностью свидетельствует, что там много всякого развращения, но нет даже простейших пособий и приспособлений, а его годы таковы, что надо спешить, иначе будет поздно. Так в самой просвещенной стране, какова большевистски-социалистическая иудейская Совдепия, не имеется элементарного обучения добрым знаниям и хорошим человеческим навыкам.

Общий и единодушный голос, что в иудейско-социалистической Совдепии нельзя жить порядочным людям. Философ Э. Л. Радлов⁶ (Директор Публичной Библиотеки) уже при большевиках успел пропечатать, что ныне в России „сама жизнь стала пароди-

⁶ Эрнест Леопольдович Радлов (1854 – 1928) – философ, основатель философского дружества в Петербург от 1920 г. е член-корреспондент на Руската Академия на науките, през 1917 – 1924 г. е директор на Публичната библиотека в Петроград.

ей“ и не всякому легко пародировать собою и над собою... Притом же она слишком залита невинною, мученическою кровью, с которой страшно соприкасаться. Только великолепные англичане способны мириться с нею по глупому признанию, что „кровь всегда гуще воды“, а русский человек крайне чуток морально и помнит твердо, что она пятнает не только тело, но и совесть... Поэтому-то в совдепском Эдеме все и всюду поглотило собою развращенное и развращающее социалистическое хулиганство, которое служит истинною характеристикой коммунистического бытия. И собственно по этой причине люди утекают от советской чумы. Бегут не только старики, но юнцы, почти дети, как она [sic!] барышня-подросток⁷ героически вырвавшаяся из Совдепии потому, что ее высокопревосходительный отец провинился перед иудейски-большевистскими временщиками своею контрреволюционностью. Бегут самыми разнообразными способами – и по морю и по суше, и партиями и в одиночку, но всегда с большим риском. И ужас берет, когда слушаешь теперь даже в спокойной обстановке об этих опасных приключениях, если, например, молодая девушка воспитанная дома, избалованная жизнью, с солдатским мешком за плечами целыми часами, выбиваясь из сил, бредет болотами по пояс в воде, пугаясь всякого куста, слышит какую то погоню и чуть не тонет в Сестре реке, пока почти инстинктивно перебирается на Финский берег и падает в бесчувствие. А другой барышне не удастся это несколько раз и она переодевшись крестьянкой, высматривает брод и счастливо переходит заветный Рубикон...

⁷ Тук става дума за Елена Александровна Козловская – дъщеря на генерал-майор (1912 г.) Александър Николаевич Козловски (1864 – 1940, Хелзинки), който по стечение на обстоятелствата и не по негова воля става ръководител на Кронщатското антибольшевишко въстание и през март 1921 г. Заедно с възстаналите матроси отстъпва по леда във Финландия, а в Петроград е обявен за белогвардейски вожд на въстанието. Дъщерята на Козловски, останала в Петроград, е принудена да мине границата с помощта на един от куриерите на редовната нелегална връзка между града на Нева и независима Финландия. Малко вероятно е тя да може да пресече сама, без нужната помощ, поради големите участъци от бластисти местности, които стояли пред тези, които пресичали нелегално тази граница.

Сколько их.
Куда их гонят.

...

Домового ли хоронят.
Ведьму ль замуж выдают.

Правильно, разумеется и то и другое, потому что ныне в Советии совершается жидовский шабаш. Но когда с такой неужимостью и при столь огромных затруднениях бегут люди всех возрастов, классов и состояний, то рай там – мифический, или ад – реальный. Здесь ответ и на вопрос заголовка, что в социалистически-коммунистической стране не весело и не счастливо никому, кроме коршунов с национально-семитическими носами, жаждущих гнилостного разложения всей христиански-культурной Европы. Россия лишь крупный этап по пути коммунистически-социалистической заразы, несущей с собой смерть и уничтожение для всего высокого и благородного, культурного и чистого...

Правда, давно пора ликвидировать это гнусное варварство и покончить с Вальтасаровым пиром коммунистических тварей.

Териоки-Карантин, 7 сентября 1921 г.

Н. Проворов

УГОЛОВНОЕ ГОСУДАРСТВО¹

„С ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину и вымытая свинья идет валяться в грязи“

Второе Посл. Петра II. 22.

Российскую совдепией занимается теперь с болезненною страстностью весь мир, но едва ли кто-нибудь прямо поставил и определенно решил вопрос, да что же это такое за страна по своей государственной конструкции? А между тем с нею не только считаются, как с фактической величиной, а даже заключают „договоры“ и „соглашения“ – пусть взаимно фальшивые и совершенно дутые, однако слишком важные принципиально, раз тут обе стороны являются равноправными. Значит пора наконец с точностью выяснить государственную природу этого нового международного организма.

По сему случаю нам невольно припоминается следующий знаменательный эпизод. В Петрограде, в опустевших стенах заброшенного университета сошлась кучка почтенных профессоров. Это настоящие жрецы, не желающие оставить священного алтаря, хотя храм уже разрушается и самое служение подвергается кощунственному поруганию. Глубокая меланхолическая сосредоточенность настроения и в тоже время горячая страстность речи. Все скорбят о трудностях своего научно-преподавательского положения. Жалобы касаются не материальных лишений и внешнего, унижительно-обидного стеснения по сравнению с грубою массой. И это, конечно не может внушать бодрости, необходимой для продолжительного умственного труда, ибо официальное, легализованное пренебрежение к профессуре отнимает у нее обязательный для дела авторитет, а материальные нужды прерывают

¹ Печата се по текста на публикацията в сп. „Двуглавый Орел“, Берлин, 1922, Двадцать шестой выпуск, 15 (28) февраля, 6 – 20.

идейную работу назойливыми вторжениями чисто земного, желу-
дочно-плотского характера.

Все-таки преобладают сетования принципиального свойства, что у научной мысли категорически отрицается и деспотически отнимается оживляющая ее свобода, без которой нет и никогда не бывает идейной продуктивности, почему невозможно истинное профессорство, независимое в творческой изыскательности и ответственности по педагогической плодотворности. Каждый из собеседников приводил целые тучи иллюстрирующих примеров своей подневольной связанности и обусловленной ею юридической беспомощности. Но больше всех поразило трагическое заявление представителя кафедры уголовного права, что теперь – при террористическом господстве социалистического коммунизма – у него не находится ни одного параграфа, который он мог бы изложить по своему научному убеждению. Вся его наука, как эмпирическая по материалу, перевернулась вверх ногами и, верный своему достоинству чистого ученого, он просто не имеет объекта для чтения, коль скоро вся „уголовщина“ провозглашается величайшей гражданской доблестью. Все соглашались с этим и оставались безгласными, пока не вывел из затруднения историк-теолог. „Мне, сказал он, действительно неминуемая беда, а у вас напротив самые широкие перспективы. У меня уничтожен самый масштаб, у вас же он цел и только ищет такого применения, которое само напрашивается; вот вам горестный и тяжелый, но благодарный и оригинальный предмет: взгляните кругом и читайте вместо „уголовного права“ – „уголовное государство“.

Тогда все признали, что это самая правильная квалификация большевистской власти, которую лучше этого нельзя ни понимать конкретно, ни оценить принципиально. Она афиширует себя в качестве „Российской Советской Федеративной Социалистической Республики“ и все слагаемые этой коммунистической пентады сказываются наглою уголовною узурпацией. Говорится о Российской державе, но фактически в ней нет ничего русского, кроме мученической жертвы, которую служит страдающая Россия, а большевистская государственная конституция совершенно чужда последней по всем самым основным элементам: Россия никогда

не провозглашала и не культивировала коммунистических начал, которые всего менее стали Российскими оттого, что навязаны ей насильственно и сохраняются принудительно. То же истинно и для носителей этой власти, поскольку они вовсе не российские, ибо доминирующую роль играют лишь интернационально-иерусалимские судьи, окруженные послушными приспешниками российских илотов.

„Советская“ – это вполне по-русски, ибо Россия всегда являла „совет да любовь“. Однако и тут пред нами прямой уголовный подлог. Если разуместь правительственные организации, то никаких независимых „советов“ ни по составу, ни по влиянию абсолютно нет, поелику дозволяются и функционируют только коммунистические корпорации и ячейки, где кровавая каша сама себя хвалит. Не только не терпят группы из других, хотя бы социалистических партий, но даже и чисто беспартийные, которые привлекают только в тех случаях, если надо уж идти под обух, а вообще безусловно отрицают самую их возможность, обвиняя в преступной контрреволюционности. Не делают в этом никаких исключений даже для обыкновенных ученых обществ, требуя от них объявления партийного *credo* и утверждая допустимость единственно коммунистической ориентации. А независимый совет негде российским гражданам и подать, за отсутствием свободы собраний и печати, при столь обманчивой неприкосновенности личности, что всякое такое проявление грозит смельчаку головой.

„Федеративная“, но всякая федерация предполагает обособленное бытие разных государственных единиц, которые и входят между собою в союз целого. А с самого начала злосчастной революции и доселе ничего подобного не было в России, где владал и царит сумбурнейший хаос постепенно спутавший и ненавистнически столкнувший все элементы. Между ними, конечно, не существует ни малейшего взаимного притяжения, тогда как разъединяющее отчуждение простирается до самых индивидуальных молекул и разбивает вражески многие семьи, в которых и дети восстают на родителей в духе евангельских предречений об антихристовых временах (*Матф.* X, 21, 35, 36; XXIV, 10; *Марк.* XIII, 12; *Лук.* XXI, 16). Большевики, для наружного оправдания своей

„федеративности“ искусственно создают всевозможные республики: калмыцкие, татарские, киргизские, но их призрачность и нелепость только ярче подчеркивают вопиющую уголовщину этих коммунистических афер; или, например, провозглашается зырянская республика с центром в Устьсысольске, а жители его считают свой город замечательным лишь в том отношении, что около него есть дыра в самый ад преисподний, прямо в объятия сатаны.

„Социалистической“ Совдепия именуется по оглушающему треску „товарищ“ везде и всюду, но с таким оттенком, что это есть самое ругательное слово среди нестерпимой грязной брани коммунистического вертепа, где все – „товарищи“ не по общности обладания и самопожертвования, а по общности грабительства и эгоизма. Но понятно, что захваченное „обща“ и разбойнически „общественное“ растаскивается уже в розницу по аппетиту и силе каждого и индивидуализируется персональным хищничеством друг друга, т.е. с систематической уголовностью, о которой теперь больше всех орут наши же главари воровской Совдепии.

„Республика“ немислима без преобладания „публичных“ интересов, охватывающих широкую публику по ее принципиальным, государственным потребностям, к правильному удовлетворению которых она стремится в своем общем прогрессивном развитии... Но разве может быть об этом речь в применении к большевистской Совдепии, когда она представляет собою просто злодейскую „Режь публику“ во всех своих функциях – сверху донизу? Режь всех несогласных, бей даже своих при обособлении и никому не давай пощады во славу своих смертоносных утопий, гибельных для нашей публики и истинной публичности: это ли не сплошная государственная уголовщина?

Итак, весь большевистский государственный символ – целиком преступно уголовный, как выражающий уголовное попрание провозглашаемых норм. А такое положение, что уголовно нарушаются собственные государственные догмы возможно только в уголовном государстве, каким и является большевистская „Совдепия“ по происхождению и функционированию.

В первом отношении все одинаково и преступно и позорно, поскольку было насильническим захватом государственной вла-

сти с тираническим использованием ее для разгрома и порабощения страны. Для большевистского узурпаторства не было и нет ни положительного ни отрицательного преемства, узаконяющего фактическое его бытие. Предшественники не сдавали своих полномочий и отнятие последних не было восстановлением легальности.

„Временное Правительство“, конечно, слишком произвольно изменило новое государственное течение, безусловно определявшееся по своей законности „актом отречения“, и, уклоняясь от всей его строгости, само стало источником государственного падения в чистоте работы новой правительственной машины. Когда движущая энергия фальшивит, все ее отражения теряют обязательную выдержанность и лишаются типической точности. Поэтому все послереволюционные правительства были прогрессивно предательскими, так как последовательно уступали узаконенные позиции и постепенно опускались в самые отдаленные от центра низины. Тем не менее они не отрицали своей производности от основного легализующего фактора и старались сохранять с ним хотя бы видимую связь зависимости и верности. Их недостатки бесспорны и грехи возмутительны, но все это требовало лишь устранения недостойных носителей власти с возвращением ее к первоначальной норме. Это было бы правомерною реставрацией – пусть даже и весьма болезненной, пожалуй прямо нагнетательною. А большевики воспользовались этими дефектами, достигшими у Керенского жгучей позорности, для уничтожения самого принципа легализованной государственности и совершенно растоптали последнюю, чтобы на ее растерзанных обломках утвердить свою партийную деспотию, противную всем государственным идеалам прошлого и настоящего. Большевизм вовсе не занимал пустого места, где в праве был водворяться со всем своим иудейским багажом и столь же атеистским коммунистическим кодексом. Он грубо спихнул с государственного пьедестала шутовскую чучелу, но не ради ограждения его святости, а лишь для того, чтобы разбить вдребезги и опоганить окончательно. Отрицание отрицания должно бы дать утверждение, а получился круглый нуль, за которым естественно пошли всякие минусы неударжимого и безгра-

ничного беззаконничества: значит и недочеты подлой керенщины ничуть не санкционируют характера большевистской интервенции и только резче оттеняют, что ее инициаторы коварно злоупотребляли слабостью недостойных сынов, чтобы опозорить их священную мать и отнять у нее последнюю честь. И замечательно, что они не скрывают этого, а с чисто жидовским цинизмом бахвалятся перед целым светом, что с самого начала переворота думали и стремились опрокинуть его в свою сторону, нося личину „товарищеской“ солидарности с обманутыми простоватыми коллегами. Те мальчишки возились с новой государственной вывеской и размалевывали ее смехотворными сусальными разводами, а эти подкапывали самое государственное здание и засыпали опустошительным динамитом, который и взорвали при удобной оплошности политиканствующих недоумков. Оглушительно взлетела на воздух вся русская государственность, пришибив народ и засыпав осколками всю Российскую землю, после чего воцарилась большевистская гегемония, соответствовавшая государственному развалу своюю всецело разрушительностью.

Следовательно, если самый большевистский переворот, как не оправдываемый объективно, был делом преступным, то способ его коварного осуществления оказывается уголовно обманным, а в результате вся большевистская власть является несомненно уголовною по самому своему происхождению. Вот почему она является символизацией всего дикого, грубого, зверского, лишенного простой человечности во всех своих проявлениях и олицетворениях.

Но какова порода такова и природа. Уголовное по естеству необходимо бывает уголовным и по действию. Отсюда неизбежно, что большевистское правление столь же всецело становится уголовным по своей внутренней конструкции и по окончательному обнаружению.

Во главе большевистско-коммунистической вавилонской башни находятся „народные комиссары“, которые деспотически вершат свою волю с устрашающе безответственностью атаманов-разбойников. Их призрачно-юридическою опорой служит то, что они будто бы уполномочены народом и получили от него

комиссию полновластно творить государственное дело. Об этом громогласно и непрестанно большевики трубят доселе, не допуская никаких отговорок и оговорок. Большевизм есть власть единственно и истинно народная: этим тезисом исчерпывается и обосновывается вся аргументация большевистского государственного захвата.

Но в данной формуле надо различать две стороны – народную апробацию и народную солидарность и еврейско-иудействующие большевики шулерски жонглируют данными элементами, чтобы ускользнуть от ответа о своем праве на народность. Конечно всякий политический переворот сначала выражается захватом, но последний переходит в правомерную правящую организацию лишь по своей легализации, хотя бы искусственной и призрачной. Большевики не только не имели ее, но и не стремились к ней. Напротив, они с грубейшей беспардонностью отвергли ее и утверждают исключительно на *fait ac compli*. Но даже самый колоссальный факт не есть еще право само по себе, а только может быть началом свойственным праву, развившись в творческую правовую норму, параллельную другим – с уклоном от них к худшему или лучшему. Иначе всякое фактическое возобладание будет правым и закономерным, а головорез – бандит, разбойным нападением подчинивший себе мирную округу, окажется законным и полноправным владельцем грабительски забранного достояния.

Вот таким-то юридическим бандитизмом, и заклеяено „советское“ иудейско-российское коммунистическое правительство. Оно выдвинулось и проглотило прежних политических комаров от имени народа и потому обязано бы апеллировать к его санкционирующему голосу, который бы изрек свое благословение, одоблив его в качестве действующей дальнейшей нормы, когда и получится обязательный новый правопорядок. Были для сего и готовые пути, признанные народным сознанием и вошедшие в практику. Это для всех бесспорное принципиально „Учредительное Собрание“. Правда, первый опыт его был фактически прямо отвратителен. Устроилось какое-то скопище, где неистовствовали, кощунствовали, скандалили и просто скоморошествовали – каждый на своем партийном эшафоте – под шутовское балагурство

„любимца публики“ Чернова. Все очумели от революционно бредовой горячки и никто не умел произнести ни одного здорового слова. Страшно и помыслить во что бы вылилась эта полоумная вакханалия, и теперь нет трезвого русского человека, который пожалел бы, что эта ужасная трагикомедия не была разыграна до конца и не достигла законополагающего финала, который бы породил всероссийскую суматоху. Все это так, но большевики обрушились не на искажение, а на самое изображение, утверждая, что *abusus tobit usus*. Они ополчились против самой идеи „Учредительного Собрания“, обляяли его „Учредилкой“ с жидовско-собачьим остервенением и всех избранников ее нагло провоцировали в качестве закоренелых контрреволюционеров, царских приспешников, ретроградов-буржуев и т.п. Но весь этот пронзительный коммунистический лай из-под всех большевистских подворотен не может заглушить той уличающей ноты, что эта свора не захотела использовать свою добычу и отвергла для себя всякую нужду в легализации. Боялась она последней или нет – мы не знаем. Во всяком случае верно, что большевизм не имеет ее и, следовательно, уголовно грешит и незаконностью своего захвата и беззаконностью его существования.

На это борзые коммунисты возражают, что не было ни малейшей надобности в пустой формальной процедуре, которая только затянула бы дело и осложнила его при несомненном наличии общенародного признания. Однако если таковое было бесспорно, тем легче его зафиксировать и с юридической точностью узаконить новую государственность. Большевики не хуже нас понимали эту прямую дорожку, и коль скоро не пошли по ней, значит, она была им не по пути, а они только отводят глаза от своей государственной уголовности, когда ссылаются лишь на *vox populi*, не допуская для него законодательной членораздельности. Поэтому крайне сомнительно и вызывающе указание на фактическое народное одобрение. В действительности, сначала все мирные россияне были в чистейшем недоразумении, какой вкус будет иметь кроваво-жирная большевистская каша, а потом, попробовав ее, раздражили в себе животнo-зверские инстинкты и пустились во „вся тяжкая“ коммунистического хищничества, яростно приме-

няя все разбойно большевистские лозунги. В первый момент напряженного ожидания не было пока никакого народного мнения кроме того, что предшествующее было совсем скверно и может быть улучшится при новом порядке. Большевики уголовно лгут, будто их сразу приняли по солидарной убежденности, так как не было и тени чего-либо подобного. А второй еще убийственнее для них, несмотря на всю свою внешнюю внушительность: если к разбойнику пристали головорезы ради грабительства, разве это служит удостоверением законности? Не скорее ли наоборот, что тут живые свидетельства кровавой преступности, которая всегда сильнее соблазняет и шире захватывает? Ведь фактически было лишь грандиозное продолжение большевистского акта и, увеличивая его количественную колоссальность, оно нимало не прибавило принципиальной убедительности. Да не было и элементарных зародышей ее, ибо все сводилось к примитивной логике извозчика, что дом не принадлежит владельцу поскольку он сам не строит, хотя не принималось равного заключения о пролетке.

Выходило, что к дерзкому вору присоединялись хищные грабители и все бросились взапуски растаскивать богатую Россию. Оправдывает ли первый, законность вторых, раз сам не обладает никаким правом? А вторые могут ли снабдить главаря этим правом, когда сами его не имеют? Вор вора не узаконяет, а только возводит „счастливого“ погромщика в патентованного разбойника, каким по рассматриваемой апологии и оказывается весь правительственный большевистский институт, уголовно-преступный в самом себе и во всех своих подражаниях. Я не буду говорить о дальнейших периодах и новейших стадиях большевистского владычества.

Тут уже не упоминают о народном согласии, а подчеркивают лишь молчание, всячески заглушая, что оно добывается штыками и потому свидетельствует именно о непреклонном насилии. Мы отметим не более того, что для всех незыблемо: ведь и в пору большевистского бушевания темных масс только меньшинство народа приняло в нем коммунистически ограбное участие, а народ терпел и скорбел. Неужели это не эмпирическая аксиома? Откуда же тогда взялось теперешнее народное настро-

ение, которое и соловей-разбойник Ленин называет мелкобуржуазным антибольшевизмом? Скажут – „от разочарования“, но в таком случае обнаружится, что предшествующее „очарование“ было призрачным и мимолетным. И на деле остается одна правда, что как прежде так и теперь коммунистические государствовкрады имеют на своей стороне лишь шайку казнокрадов при общем народном негодовании и глухом ропоте под свист большевистских пуль, уже формально истребивших свыше миллиона рабочих (192,350) и крестьян (815,100)².

По изложенному понятию и все дальнейшее, как роковой фатум: уголовные обманщики могут действовать только уголовным обманом! Этим несомненно обнимается все большевистское правление. Достаточно обрисовать основные его контуры. Коммунистические опричники называют себя «народными комиссарами» и выдают за людей, по доверительному народному полномочию исполняющих народные „комиссии“ в различных государственных областях – просвещения, финансов, здравоохранения и пр. По составу этого титула, в котором сами большевики видят свою легализацию, непременно ожидается, что они во всем осуществляют волю народную, которая служит для них определяющим фактором и исполняется во всех ее направлениях. Комиссары – это, говоря собачье-советским жаргоном, государственные „спецы“, технически реализующие народные веления. Во всем главенствует народная воля: она дает категорический тон, держит неослабный надзор и кладет собственную пробу.

Есть ли хоть проблеск этого соотношения в большевистской государственной практике?

Уже самый этот вопрос необходимо отсылается к решительному отрицанию ибо при мало-мальски нормальном положении для него не было бы места, коль скоро во всем главенствует „народоправство“. Речь могла быть разве только о частичных неисправностях и случайных дефектах, но не о самом принципе. Раз приходится затрагивать именно его, ясно, что он совершенно от-

² Вж.: „Еженедельник Высшего Монархического Совета“ № 18, 28 ноября (11 декабря) 1921, с. 3.

существовал в большевистской действительности. Это и вполне непреложно. Возьмем некоторые главнейшие стороны.

Коммунизм теоретически провозглашает религию частным делом вроде того, жениться данному человеку или нет, а практически жестоко стесняет православную веру и формально преследует православное духовенство. Соответствует ли хоть сколько-нибудь эта большевистская политика русской народной воле? Конечно нет, ибо тут прямое взаимоотрицание. Русский человек не понимает и не допускает безрелигиозного состояния, как его и принципиально не может быть, почему и социалистические коммунисты исповедуют и проводят свою партийную доктрину с пафосом религиозного фанатизма. „Атеист“ нашему народу неизвестен, а „безбожник“ равняется мошеннику. Можно пойти на любое пари, вплоть до головы, что ничего иного по этому предмету не имеется у русских людей, которые и вообразить не могут безрелигиозных субъектов. И когда большевики содрали в Москве со стены икону и начертали на месте ее свой освободительный афоризм: „всякая религия есть опиум для народа“, чью комиссию они исполняли – народно-русскую или противонародно-жидовскую? Правящие коммунисты только терпят православную церковь лишь по временной необходимости и всегда третируют ее самым кощунственным образом. Они объявляют ее зловердною и совершенно устраниают из всякой школы, а организованное религиозное обучение правилам веры позволяют производить для юношей и девочек не раньше 15–16 лет. Религиозная неприкосновенность православных учреждений и лиц категорически отвергается, а все православные символы (иконы, кресты) устраниаются из общественных помещений и снаружи. Но, не признавая безрелигиозного государства, русский люд не одобряет, конечно, и этих проявлений, а что касается конкретных частных, то возмущается ими до непримиримой, хотя пока и заглаженной озлобленности. Пусть церковь есть частное здание, но для русских простецов она священна и их совесть нимало не соизволяет, если власть декретит, что церковные помещения предоставляются в свободное время для всяких митингов, всегда антирелигиозных и – значит – официально оскорбляющих религиозную чуткость верующих

членов, которые устроили для религиозных целей известное сооружение и содержат его, как „дом Божий“. Не будем и говорить о многочисленных обнаруживаниях вопиющего кощунничества, когда храмы обращаются в танцевальные залы или сдаются под клубы, а в алтарях – даже в столицах – заводятся самые упрощенные клозеты. Хочет этого народ, или коммунистическая среда уголовно бесчинствует от его имени? Мощи принадлежать к элементам христианского православного культа и – по большевистскому катехизису – почитание их есть частное дело, не относящееся до самой государственности. Однако учинялись самые богохульные ревизии, останки святых куда-то увозились с самыми гнусными вакханалиями (напр. Преподобного Сергия Радонежского) или выставлялись на всеобщее поругание (святителя Иосафа Белгородского, св. Виленских мучеников) наряду с трупами фальшивомонетчиков и дохлых крыс при чтении лекций атеистически-поносительного характера; по городам и весям разъезжали специальные гастролеры, подкреплявшие свои постыдные рацеи волшебным фонарем. А народ толпами стекался к оскверненным остаткам, еще тверже выражал громко свое почтение к ним, веровал во множество знамений и чудес при этих кощунственных осмотрах или непоколебимо и спокойно заявлял, что мощей не отыскали потому, что они ушли далеко в землю и скрылись от нечестивых глаз. Совершались ли все подобные акты по народному желанию или оно уголовно попиралось?

Комиссары устанавливают (в 1920 году) цикл праздничных дней, а государственные типографии прибавляют к ним еще новые христианские праздники по своему народному хотению, которое, очевидно, не совпадает с „советским“. Духовенство лишено всяких гражданских прав, не может преподавать в школе, хотя бы таблицу умножения, принимается только в весьма немногих учреждениях на самые низкие оклады, его шельмуют в словах и в лицах на всех заборах, не стесняются самыми подлыми клеветами в официозных органах, не предполагая самой возможности оправданий или опровержений, гноят по тюрьмам без предъявления каких-либо обвинений, расстреливают пачками (напр., в 1921 г. в Кронштадте). Частное занятие, чуждое для государствен-

ности, давало ли представителям последней основание постоянно давить и постыдно порочить носителей его, ничем другим не нарушающих гражданских обязанностей? Было ли на эту „противопоповщину“ соизволение народное или ею совершается уголовная мистификация? Ведь народ – в массе – продолжает видеть в священнике „батюшку“ и, при лишении всяких средств, содержит свое духовенство и церкви гораздо лучше, чем обеспечиваются правительственные чиновники и учреждения. Напрасно озлобленные коммунисты отнимают всякие источники церковных доходов (напр., свечные), а все-таки набирается на клир столь достаточно, что будто бы большевики, раздраженные зажиточностью духовенства среди повсюдного обнищания, думали назначить ему жалованье, запретив всякие раскладки, приношения и даяния. И если это – легенда, то уж слишком бесспорный факт, что в Петрограде дома не поправляются, а валяются вдребезги от сотрясения и только одни церкви успешно ремонтируются, хотя для них легально не отпускаются даже и белила. В таком случае коммунистическая антицерковная „ярость звериная“ практикуется по народной комиссии, или по натуральной большевистской уголовщине?

Но довольно о религии, где такие коллизии и приключения прямо бесчисленны. Обратимся к другой сфере, более конкретной и нейтральной. Таков земельный вопрос, где большевикам открывается простор осуществить старый революционный лозунг о „земле и воле“, гармонически сочетавши оба слагаемые этой магической формулы. Тут-то уж, казалось, и правящие верхи и народные низы сольются до такой неразрывности, что нелепо и вопрос поднимать о согласии ее элементов. Ограбные опустошения как будто утвердили аграрные социалистические реформы и сообщили им народную санкцию. В действительности, это чистейшая фикция, реально удостоверяющая совсем обратное. Был пароксизм земельно-грабительских эксцессов, но он довольно скоро прошел и, как болезненная аномалия, не может характеризовать нормального положения. Исключения не устанавливают правила, которое свидетельствуется общим строем. И вот с этой стороны в земельной области знаменательно, что крестьянин ныне вовсе

не жалуется по-прежнему на малоземелье, а часто не хочет обрабатывать полностью своего обычного участка, скрывает его от народной власти и сокращает посевы до личного потребительского минимума и т.д. Он теперь не только не проявляет захватного права, а бросает он приобретения этого сорта и вовсе не мечтает о равномерной разверстке. Прежняя крестьянская земля начинает дичать, а помещичья и всякая частновладельческая пустеет. Угроза в этом отношении столь велика, что вопреки основному своему социалистическому символу – большевики, конечно, со всякими плутовскими умниками – готовы допустить частную земельную собственность с объемом и свойствами помещичьего владения, так как иначе вся земля может оказаться неплодородной и не будет прокармливать населения, а между тем российско-коммунистические правительственные коммерсанты, прогоревшие в Лондоне в качестве ювелиров, хотели на хлебе вести все международные торговые обороты. Положим, вина всего этого лежит по преимуществу на пагубности „советской“ аграрной политики с непомерными налогами, разверстками, реквизициями и пр., при уменьшении рабочих рук, ухудшении хозяйственного инвентаря и всех средств сельскохозяйственной культуры и т.п. Это до непоправимого прискорбия несомненно, но потому именно с фактической неопровержимостью удостоверяет, что „народная воля“ ничуть не причастна к аграрным большевистским экспериментам, которые являются пред нею уголовными актами. Ведь не может же народ соизволять на то, что подрывает его в самом корне и обрекает на мучительное вымирание... А если правительство делало это невозможное и гибельное, значит оно ничуть не народное.

Итак, в самом близком и жизненном для народа вопросе, именно в земельном, большевики уголовно злоупотребляли народной санкцией путем принципиального обмана и систематического насилия. Но решительно то же самое было во всех отраслях большевистского государственного управления и во всяких ее проявлениях до самых мелких и отдаленных. Куда бы вы ни взглянули – везде вы встретите целые мириады неоспоримых фактов и ярких иллюстраций. Никакая статистика их не усчитает, потому что они проникали во все житейские подробности, являлись переливами

большевистского кровавого сияния во всех каплях неисчерпаемого моря российских слез. Довольно сказать, что общая окраска носила зловещий характер жестокого попрания народных стремлений и велений.

Народное правительство самозванных комиссаров, уголовно узурпировавших народную власть, уголовно ее и нарушало во всех своих отправлениях. Посему между подлинною народною волей и ее большевистским воплощением было глубокое непримиримое противоречие. Неизбежно отсюда, что подлог можно было выдавать за подлинник только посредством его неослабного подавления и полного обезличивания. Так уголовный обман естественно вырождается в уголовное насильничество, которое и составляет исключительную стихию большевистского властвования. Его правильно назвать узаконенным разбойничеством без всяких ограничений и изъятий. Об этом неумолчно вопиет большевистский террор, провозглашаемый с фанатической убежденностью коммунистическими церберами и осуществляемый с кровавою разливанностью социалистическими шакалами. „Огнем и мечом“ – исключение, хотя страшное, но все-таки преходящее, и незаконное, является единственною нормою и страшным законом всей большевистской власти. Она по самой своей уголовной природе не может ни быть, ни жить, ни действовать иначе. Поэтому террористическое порабощение кровавого характера простирается в „свободной“ коммунистической Совдепии на все ее классы и стороны. Сначала это обрушилось как будто лишь на привилегированные, интеллигентные, промышленные и торговые слои, но к ним вскоре стали пристегиваться и крестьянские массы, а теперь их считают единственно опасными буржуазными элементами. Получилось это по самой обыкновенной логике всякой уголовщины. Большевики, подделывая себя под народ, должны были оперировать над ним, почерпая из него и все свои средства для своего государственного бытия. Фактическая связь их была неразрывная и взаимное соприкосновение – непрерывное. В таком случае и болезненные трения между ними оказывались столь же необходимыми, как мучительные ощущения тела при воспаленном мозге. По этой причине большевистское правление не могло

быть и никогда не было ничем иным, как только уголовно-насильственным, осуществляемым лишь штыком и пулей, окрашенным всегда свежую кровью мирного гражданского населения.

Разумеется, эти зловещие впечатления ежедневной действительности крайне невыгодны для общественных успехов большевистской власти и она всячески старается загладить их разною социалистическою трухой, употребляя самую наглую, языческую и зверскую изобретательность, чтобы ослепить глаза и сознание российских граждан. Особенно эксплуатируется типически жидовский апологетический довод, что все отмеченные аномалии происходят и будут продолжаться лишь в период борьбы, когда извинительны, ибо *à la guerre comme à la guerre*. Этот аргумент якобы узаконял дозволенность разбойнического правительственного террора и открывал простор для безбрежного его распространения по всей российской территории. Выходит, если и не вполне корректно, зато внушительно и спасительно для обережения грядущего процветания в России мира и свободы. На эту удочку попадались не только серые массы, но и более просвещенные круги, не исключая иногда и наезжавших в красный Петроград иностранцев, гастролеров-лазутчиков из блокировавшей Европы. Все подкреплялось наглядными доводами и примерами. Сначала это была ликвидация активной и пассивной оппозиции со стороны прежнего, царского режима, потом расправа с натиском реставрационной реакции, затем отпор вторжениям международных хищников и капиталистических эксплуататоров, дальше – внутренние классовые столкновения ради пролетарского торжества, сокрушение мелкобуржуазного собственнического крестьянства и т.д. Но такая бесконечность этой цепи лучше всего свидетельствует, что эта власть была и останется каторжною, будучи уголовною по самому изготовлению. Все антибольшевистские фронты исчезают, а насильническая злоба не утихает, затруднения же опять вырастают или вновь изобретаются в виде народных волнений, белогвардейских заговоров, опустошительных голодовок и т.п. и везде та же система подавления горячим железом:двигающиеся волны голодного люда усмиряются обильною кровавою поливкой, которая ни на минуту не иссыкает на всем российском просторе.

Очевидно, значит, что кровоизлияние присуще самой социалистической природе большевизма и обязательно сопутствует ему как неотлучная тень специальною, коммунистическою, зловещей темнотой. И это поистине так. Коммунизм проповедует всеобщее равенство и пробует водворить его во всем мире. Но в наличности нет равных величин, поелику конкретно бывает лишь пропорциональная соотносительность разнообразия во множестве с взаимным соподчинением частей. Следовательно, установление реального равенства неизменно наталкивается на реальное отрицание и может совершаться лишь неослабным и неутомимым насилием над последним. Отсюда принципиальная неизбежность большевистского разбойнического террора, ибо из многообразных типических индивидуальностей он желает создать живую подстриженную породу обезличенных „товарищей“, причем „все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты“ как говорить Ленин. Объединение между людьми мыслимо лишь на почве внутренней духовной солидарности, а это решительно отвергается всеми атеистически-материалистическими началами коммунизма. И поскольку эти свойства принадлежат всему социализму, как таковому, всякая социалистическая организация государственная непременно будет террористически-насильническою. В этом отношении нечего обольщаться, а надо прямо сказать, что Чернов был бы принужден пользоваться кровавыми методами Ленинской правительственной работы, которая была, есть и будет принципиально и практически уголовною всецело.

Таково положение „Советской России“. Она напоминает евангельского путника, впавшего в разбойники (Лук. X, 30 и сл.). Окружающие народы проходят мимо, хуже приточного фарисея и левита, потому что не просто оставляют ее на дороге, а хищнически растаскивают ее лучшие украшения, прикрываясь бесстыдством невмешательства в уголовщину. Неужели во всей вселенной не найдется ни одного милосердного Самарянина, чтобы прекратить ее?! Ведь погибает не грешная Россия, а святая правда!..

Николай Проворов